

предпринимаемых в течение нескольких столетий, и как бы движимая одним порывом средневековая философия превзошла Аристотеля, после того как освоила его учение и заложила основы философии нового времени. Это значит, что общепринятая историческая перспектива проистекает из заблуждения относительно реального порядка наследования доктрин. Нет ничего более ложного, чем считать средневековую философию эпизодом, нашедшим завершение в себе самом, эпизодом, который можно обойти молчанием, обрисовывая историю идей. Именно средние века стали временем появления философских и научных доктрин**, которые, как иногда говорят, как бы превосходили силы этой эпохи; именно тогда подвергали критике интенциональные

Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков 576

виды, видообразующие формы и прочие реалистические абстракции; наконец, именно тогда впервые распространилась философия, свободная от всякого авторитета, даже человеческого. Так что следует отнести к области легенд историю возрождения мысли, которая пришла на смену векам сна, темноты и заблуждений. Современная философия не должна вести борьбу, чтобы отстоять свои права разума против средневековья — наоборот, средние века завоевали для нее эти права; XVII век, вообразивший, что он уничтожил труд предшествующих веков, лишь продолжал его.

Преимственность между XIV веком и последующими веками, с которой мы сталкиваемся на почве философии в собственном смысле, более ощутима в сфере культуры. Рассматриваемая в целом, история вырисовывается как огромная кривая, которая начиналась с римской культуры свободных искусств, проходит через творчество св. Августина, достигает Англии времен Беды Достопочтенного и Алкуина, в IX веке возвращается на континент, выживает там вплоть до подъема в XII столетии, затем после пережитого ею затмения в XIII веке она снова появляется сначала в Италии вместе с Петраркой, а вскоре — во Франции с Петром из Альи, Жерсоном, Клеманжем и их последователями. Область, охватываемая этой культурой, есть сфера того, что можно назвать западной цивилизацией, и почти вся она простирается к западу от *limes germanicus* (германской границы). Ее начали создавать в 83 г. при императоре Домициане и закончили к концу II века. Эта фортификационная линия обозначила крайний предел римского продвижения в Европе, а то, что не смогли завоевать римские армии, никогда не было в полной мере охвачено римской культурой. Все учебные центры до XIV века располагались внутри *limes germanicus*, и последствия этого факта еще не вполне исчерпаны. «Через германскую душу, как и через германскую землю, — говорит историк Герман Хефеле, — *limes* все

еще проходит — под тем же небом и в том же психологическом пространстве; роман-екая реальность существует в стороне от германской реальности». Кто не признает сейчас единства римской культуры по эту сторону римского *limes*? И все же, будущц сведенной в это единство, какое разнообразие и какое богатство дополнительных даров она демонстрирует! В IX веке ирландец Иоанн Скот Эриугена создает прообраз платонизма Беркли. В XII веке Испания одновременно служит и преградой, и мостом между миром ислама и христианским миром. С XIII века, вопреки тому, во что верит столько историков, англосаксонское мышление уже полностью проявляет себя у Роберта Гроссетеста и Роджера Бэкона, у которых неразрывно сочетаются научный эмпиризм, утилитаризм и религиозный мистицизм. Италия преподносит лучшие плоды своей мысли в обширных теологичес-ких учениях Фомы Аквинского и св. Бо-навентуры или, как в шедевре Данте, возводит до уровня гениальности смысл устройства и архитектурного упорядочения идей: соборы из камня — это французское, но соборы из идей — это итальянское. Неизмеримое трудовое усердие, забота об энциклопедической и в то же время